

АКТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

Научная статья

УДК 821.161.1-1(477.6) + 82-92 + 070.1:81 + 94(477.6)“20”

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.021

ПОЭЗИЯ ДОНБАССА КАК ДОКУМЕНТ И СВИДЕТЕЛЬСТВО

Юлия Владимировна Матвеева

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия,

julia-matveeva@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-3810-867X>

А н н о т а ц и я. В статье сделан развернутый мотивно-тематический анализ донбасской поэзии, представленной в книге «Великий Блокпост: антология донбасской поэзии» (СПб. : Питер, 2023). Выявлены и проанализированы следующие мотивно-тематические линии: предчувствия войны; родной земли, Донбасса и Донецка; переживания огненной реальности войны во всех ее проявлениях; смерти, памяти, связи исторического прошлого и настоящего; мистериального единства живых и мертвых; культурно-языковой идентичности. В спектр внимания вошла также публицистическая составляющая донбасской лирики — ее открытая оценочность, репортажность формы, полемическая направленность. Сделан вывод о включенности этой поэзии в традицию русской гражданской и политической лирики, отмеченной именами А. Ахматовой, Н. Гумилева, М. Волошина, А. Блока, О. Мандельштама, И. Савина, Н. Туроверова, В. Смоленского, Ю. Софиева, О. Берггольц, К. Симонова, И. Елагина, поэтов фронтового поколения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поэзия Донбасса; «Великий Блокпост: антология донбасской поэзии»; русская поэзия XXI в.; литература свидетельства

POETRY OF DONBASS AS A DOCUMENT AND EVIDENCE

Yulia V. Matveeva

*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
julia-matveeva@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3810-867X>*

Abstract. The author performed a detailed motive-thematic analysis of the Donbass poetry, presented in the book “The Great Checkpoint: an Anthology of Donbass Poetry” (St. Petersburg : Piter, 2023). The following motive-thematic lines have been identified and analyzed: premonitions of war; native land, Donbass and Donetsk; experiences of the fiery reality of war in all its manifestations; death, memory, connections of the historical past and present; the mystical unity of the living and the dead; cultural and linguistic identity. The range of attention also included the journalistic component of the Donbass lyrics — its open evaluation, reportage form, polemical orientation. The conclusion is made about the inclusion of this poetry into the tradition of Russian civil and political lyrics, marked by the names of A. Akhmatova, N. Gumilev, M. Voloshin, A. Blok, O. Mandelstam, I. Savin, N. Turoverov, V. Smolensky, Yu. Sofiev, O. Bergholz, K. Simonov, I. Elagin, poets of the front generation.

Key words: poetry of Donbass; “The Great Checkpoint: An Anthology of Donbass Poetry”; Russian poetry of the 21st century; literature of evidence

Нет сомнения, что во время глобальных исторических вызовов, когда появляются новый экзистенциальный опыт, новая философия, новое искусство, литература обретает особое значение, а может, просто возвращается к своим корням, становясь подлинной гносеологией бытия. Перестает быть надстройкой и выходит на передовые позиции жизни. В 1920-е гг., формируя свою систему мышления, М. М. Бахтин писал именно об этом, внедряясь в вопросы духовно-нравственного порядка для того, чтобы обосновать свои эстетические постулаты. И такие его работы, как «Искусство и ответственность», «К философии поступка», — тому подтверждение. Здесь он сформулировал принцип «участного мышления»¹, которое одно способно дать представление о реальности. Почти одновременно с Бахтиным об этом же самом писал высланный из Советской России Н. А. Бердяев: «Сейчас все более и более признают, что существует эмоциональное познание. Это утверждал Паскаль, это утверждал Шелер, на этом настаивал Кейзерлинг. <...> Познание Смысла прежде всего сердечное» [Бердяев, с. 235].

Многие, очень многие ныне хотят понять, что же происходит там — на малороссийских землях. Для этого существует несметное количество информационных источников, множество посредников, интерпретирующих реальность. Однако одно из самых главных, самых непредвзятых свидетельств — литература,

¹ «Участное мышление преобладает во всех великих системах философии, осознанно и отчетливо (особенно в Средние века) или бессознательно и маскированно (в системах XIX и XX вв.)» [Бахтин, с. 16].

созданная участниками событий, литература, сама ставшая и свидетельством, и незаменимым источником познания происходящего. Она субъективна? Лишена всеохватности? Не имеет статистических данных? Но взамен всему этому она онтопсихологична², а значит, используя термин итальянского психолога и философа А. Менегетти, — имеет неотменяемую «внутреннюю причинность» [Менегетти, с. 16]: «Доказательство всегда содержится в субъективном осознании, которое, несмотря на свою автономичность, всегда синхронно всем прочим субъективностям» [Там же].

Вот с этих позиций онтопсихологизма, «эмоционального познания» и «участного» восприятия, представляющих, конечно, лишь необходимые точки опоры, через которые просматривается даль феноменологического мышления, попытаемся прочесть недавно вышедшую антологию донбасской поэзии 2014–2022 гг. «Великий Блокпост» (СПб. : Питер, 2023. 432 с.) — внушительный свод написанных на Донбассе и о Донбассе стихов, к которым нельзя остаться равнодушным. Это стихи 45 поэтов. Разных — давно себя зарекомендовавших, облеченных академическими званиями, удостоенных литературных премий и совсем молодых; тех, кто жил и живет в Донецке или Луганске, и тех, кто приехал туда, чтобы сделать эту землю местом собственной самопроверки; имеющих гуманитарное образование и получивших образование инженерно-техническое; гражданских и военных; живых и мертвых — рамочками обведено три имени.

Составитель антологии Анна Ревякина³, предварившая книгу небольшим предисловием, называет ее авторов «хроникерами Донбасса», которые «не жалея себя», «вглядываясь в графичный бесперспективный горизонт», «написали словно бы поэтический учебник истории» [Ревякина, с. 18]. И действительно, книга,

На обложке линогравюра В. Шенделя «Год 1944» из частной коллекции Анны Ревякиной

² Онтопсихологию как особое понятие и научное направление в философию и психоанализ ввел итальянский философ и психолог А. Менегетти (1936–2013).

³ Анна Ревякина — автор восьми поэтических книг, в том числе «Восемь. Донбасских. Лет» (Изд-во «Питер», 2023) и поэмы «Шахтерская дочь» (2017).

названная антологией⁴, имеет вполне определенный сюжет, который передает течение времени от начала 1990-х, а потом от 2014 к 2022 г. Это своеобразная летопись, «повесть временных лет», где части озаглавлены по годам: «2014 год», «2015 год», «2016 год», «2017 год», «2018 год», «2019 год», «2020 год», «2021 год», «2022 год». Но есть и еще две — первая («Предчувствие войны») и последняя («Позывной Поэт»), пролог и — нет, не эпилог — кульминация, именно ею заканчивается книга, ибо композиция ее, как и главный пафос, — восхождение. Ни развязки, ни эпилога нет, они пока за границей книжного текста, ведь история, в нем поэтически представленная, еще не окончена.

Читая стихи 1990-х — начала 2000-х гг. первой, прологовой части «Предчувствие войны», поражаешься, как много в них напрогночено. «Мы все заражены / Воздушно-капельной тревогой», — напишет не дожившая до начала конфликта 2014 г. Наталья Хаткина, словно предвидя многое. — «Воздушная тревога. И в какой / подвал сойти со шкаликом чадящим, / немеркнувшей лампадкой спиртовой?» [Великий Блокпост, с. 20]⁵.

О войне, причем реальной, возможной и неизбежной писали в это время и ученый филолог Александр Кораблев, и погибший в Донецке в 2022 г. Евгений Мокин, и священник о. Дмитрий Трибушный, поэты Дмитрий Мурзин, Александр Савенков, Анна Ревякина. Приведем отдельные строки, чтобы их «воздушно-капельная тревога» была услышана:

Знаешь, если замкнуть руки и прочертить черту,
и положить меж огней, например, меч,
Можно такое, друг мой, на себя навлечь...

А. Кораблев (с. 27)

За окнами хмуро и сиро,
уснешь и увидишь во сне,
что мир разделен на два мира
в какой-то ужасной войне.

Д. Мурзин (с. 29)

Мертвые к нам не приходят во сне,
не беспокоят зря.
Все мы остались на этой войне
под залпами ноября.

о. Д. Трибушный (с. 38)

И наконец, суровый кодекс личного поведения, сформулированный по-шаламовски поэтом о. Д. Трибушным еще в 2012 г.: «Для тех, кто вырос на Руси, / не нужно школы. / Не верь, не бойся, не проси — / твои глаголы» (с. 38).

⁴ Несмотря на разнообразие наличествующих сегодня антологий, все-таки, как пишет У. Верина, «основной чертой антологии, присущей ей изначально и закреплённой в названии, была пестрота, разнообразие» [Верина, с. 74].

⁵ Все стихотворные тексты в дальнейшем будут цитироваться по данному изданию с указанием в скобках страницы.

Часть под названием «2014 год» — всецело военная. В ней стихи двадцати четырех поэтов. Практически все о войне, вернее, как это станет ясно в дальнейшем, о ее начале — о трагедии в Одессе, о Горловке, Донецке, Луганске, о России и Украине, о своем понимании войны и о собственном выборе. Одно из стихотворений этой части, написанное Владиславом Русановым, называется «Вальс обреченных» и воспринимается символично: в нем все оксюморонно и странным образом гармонично — название, где совмещается что-то салонно-светское и невозможно-экзистенциальное, маяковско-цветаевская акцентная ударность стиха и всегдашний в вальсе размер три четверти, редкая дактилическая рифмовка и чеканность рифмующихся слов. Это стихотворение о принятом вызове или даже — о вызове на вызов: четыре раза рефреном повторяются одни и те же стоические слова:

Нас не язвите словами облыжными,
Жарко ли, холодно? По обстоятельствам...
Кто-то повышенные обязательства
Взял и несет, а мы все-таки выживем.

Мальчики с улиц и девочки книжные...
Осень кружит в кварталах расстрелянных.
Знают лишь ангелы срок, нам отмеренный,
Только молчат, а мы все-таки выживем.

Не голосите, холено-престижные,
Будто мы сами во всем виноватые.
На небе облако белую ватую
Мчит в никуда, а мы все-таки выживем.

Не разобраться, что лучше, что ближе нам?
«Шашки подвысь, и в намёт, благородие!»
Нам смерть на Родине, вам же — без Родины.
Вот как-то так... А мы все-таки выживем!

В. Русанов (с. 48)

Вообще, можно сказать, что часть «2014 год» формирует проблемное и мотивно-образное единство всей книги. И это не случайно, ведь основные экзистенциалы, они же — образные доминанты, оказались заданы и сформированы уже тогда. В дальнейшем, в стихах 2016–2021 гг., в соответствии с логикой исторических событий они будут меняться, уходить вглубь, обретать иные обертоны, но в целом сохраняют свою актуальность и выразительную мощь до последних страниц антологии. Не станем говорить здесь подробно о развитии этих мотивов (отдельная, очень важная тема), постараемся лишь определить самые главные и самые устойчивые из них.

В качестве первого, многое предопределившего, назовем мотив родной земли, Родины, Донбасса, всех затронутых войной городов и шахтерских поселков. Это Луганск и Горловка, Макеевка и Мариуполь, Нижняя Ольховая и Лиман — они и многие другие образуют собирательный образ почти мифической страны,

сравнимой с исчезнувшей Атлантидой, неприступным Карфагеном, республиканской Испанией, не сдавшейся Брестской крепостью:

Я заклинаю свою землю —
я знаю, она спит, она не убита:
просыпайся, моя бедная
неприкаянная Атлантида.

А. Федорова (с. 85)

Да, Карфаген,
и он же — Брест.
Пускай твердят:
«Delenda est!»
с экранов брошенной страны,
но ганнибаловы слоны
увидят желто-синий Рим,
и вот тогда поговорим,
что здесь бесчестье,
что здесь честь...
И кто из нас
«Delenda est!»

В. Русанов (с. 238)

Над всей Испанией — безоблачное небо —
прочитано в советском пятом классе...
Мы подпоём Гренаде, где ты не был,
мы разобьем франкистов здесь, в Донбассе!

О. Измайлов (с. 89)

И все-таки самым главным городом военного противостояния, конечно же, стал Донецк. Ему адресовано множество стихов, и все они пронизаны невероятной, неистребимой любовью. Это и лирически-нежные, элегические строчки («Есть в городе моем прекрасные места, / есть осень в нем и терпкий запах чая...» (В. Теркулов, с. 166), это и строки, выражающие внутреннее понимание ментальной особенности Донецка: «Я люблю тебя, город мужчин, / С подведенными черным глазами...» (А. Ревякина, с. 40). Но намного чаще Донецк представлен поэтами антологии как неприступная, хоть и обреченная цитадель, как город смерти: «Расстрелянный город» (И. Караулов, с. 313), «харонова пристань» (Е. Воронов — позывной «Егор», с. 377). Быть может, особенно грозным, мрачным и, несмотря на все это, по-дантовски трагически великим представлен Донецк в стихотворении *Акима Апачева*, написанном в жанре послания — от мертвых к живым:

Мы все мертвы, и крови больше нет,
и плоти нет, и боли нет, и стонов.
По взорванной порубанной земле
шагают легионы скелетонов.

<...>

Покойники на мертвых пустырях
в одном строю натянута, как стропы.
И я стою, и на моих костях
стоит Донецк — сияющий Некрополь.

Нам кость за кость, нам только прах за прах,
но где-то посреди великой битвы
я слышу зов: вверху на небесах
поют живые нам свои молитвы...

(с. 333)

Стихотворение А. Апачева производит сильнейшее впечатление, однако «сияющий Некрополь» — к счастью, не единственный символ и метафора Донецка. Гораздо чаще он воспринимается сквозь призму библейской образности и библейской метафоричности, которая для многих поэтов антологии становится ключевой в осмыслении «донецкой темы»: «Гори, Донецк неопалимый, / и не сгорай» (о. Д. Трибушный, с. 55); «Но город жив и вопреки наветам / Восстанет, смерть поправ, неопалимый» (В. Русанов, с. 107), «Весь город Гефсиманским садом / Стал в ожидании рассвета...» (В. Теркулов, с. 264); «...мой город горит, как свечка / у Господа на престоле» (А. Федорова, с. 85).

С темой Донбасса, Родины, Донецка напрямую связана во всех частях антологии другая важнейшая тема, которую можно было бы обозначить так же, как сто лет назад назвала свою книгу о Первой мировой войне С. Федорченко — «народ на войне»⁶.

О том, что главное в большинстве стихотворений — передать самоощущение людей воюющих, погибающих, расстреливаемых ракетными ударами и выживающих, — говорить не приходится. Не случайно так часто здесь лирическое «я» поэта заменяется лирическим «мы». Любому русскому читателю понятен этот прием. Культурный код нашей памяти сразу подсказывает, когда именно лирическое «мы» становится главным: стихи А. Ахматовой времен революции, а потом — Великой Отечественной, А. Блок с его «Скифами», О. Мандельштам, говорящий от имени «миллионов убитых задешево», военная лирика — все это моменты великого накала и народной консолидации перед лицом опасности и возможного уничтожения. Вот и донбасские поэты обретают способность говорить от лица многих: «*Мы* ехали споро, / *мы* мчались на ноль, / *мы* бережно в скорой везли его боль...» [Здесь и далее курсив наш. — Ю. М.] (Г. Егоркин — позывной «Сид», с. 422); «*Мы* головы зря задирали / в холодную, твердую высь...» (Е. Мокин, с. 341); «Запомни, чего *мы* хотели: / прогнать непроглядную темень, / любить и остаться людьми» (О. Старушко, с. 338); «*Мы* отходили. Медленно и больно» (Е. Заславская, с. 329); «*Нацисты* целились не в *нас* — / попали просто»

⁶ Софья Захаровна Федорченко, ставшая сестрой милосердия в самом начале Первой мировой, опубликовала в 1917 г. основанную на собственных впечатлениях, уникальную в русской литературе 1910–1920-х гг. книгу «Народ на войне». Основательно и аналитично об этой книге написала венгерская исследовательница Ж. Димеши [Димеши].

(А. Шмелев, с. 317); «*Мы* — осколки русской весны, / городов пустеющих эхо...» (Г. Титов, с. 269); «*Мы* обязательно умрем, / но мало кто в своей постели» (В. Русанов, с. 255); «*Наши* степи гуманитарные, / *наши* улицы вне закона» (А. Ревякина, с. 183); «Услышь *нас*, Господи, / *мы* живы...» (Л. Гонтарева, с. 52).

Есть стихи, где это коллективное «мы» как бы на глазах собирается из разных местоимений и разных «я» — например, процитированное выше стихотворение «Delenda est!» В. Русанова: «...*мы* — Карфаген. / *Я* — Карфаген. / *Ты* — Карфаген. / *Он* — Карфаген» (с. 238). Или «черная» считалочка *Александры Хайрулиной*, в которой коллективное «мы» собирается из множества голосов тех, кто погиб:

раз, два, три, четыре, пять —
я хочу *вас* сосчитать.
два, четыре, восемь, шесть —
нас тебе уже не счесть.
десять, двадцать — не смеси,
сквозь десятки проходи.
<...>
добровольцем призван в рай,
не считай *нас*, не считай...

(с. 100)

Вообще, момент единения живых и мертвых присущ всей донбасской поэзии, и «народ на войне», в ней представленный, — это, в христианском смысле слова, единое человечество, в котором те, кто стал духом, столь же реальны, столь же осязаемы в духовно-нравственном смысле, как и живые. Но где-то за границей земного бытия все погибшие воскресают, вступают в новое единение с живущими. С другой стороны, они, эти герои и мученики XXI в., вступают в контакт с теми, кто точно так же пал в боях на донбасской земле во время Великой Отечественной. В результате создается поразительное впечатление многослойной и великой мистерии.

На Саур-Могиле
Опять его убили.
Его убили снова.
Красивого, родного,
с глазами, как у мамки...
Арта. Пехота. Танки.
Как в страшном 43-м,
уже в другом столетье.
Там где отцы и деды
сражались за победу,
он там же пал, он с ними
теперь в одной могиле.
На высоте контрольной
героем стал невольню.

Е. Заславская (с. 100)

Убитые приходят и говорят с живыми,
Время замирает, затем идет вспять.

А. Курапцев (с. 136)

Да, свет. Да, смерть. Да, это не финал.
Андрюха снился, он мне так сказал.
Он нынче в курсе более, чем мы,
которые лишь в поисках ответа.

А. Долгарева (с. 364)

Знаковым в этом ряду кажется стихотворение *Дмитрия Молдавского* «Пасхальное», где мистериальный сюжет ежегодного праздника Воскресения Христова актуализируется и наполняется своим, сугубо военным содержанием:

Две тысячи лет Он один ходил,
а сегодня ведет десант.
Их не остановят ни Javelin,
ни Ваугактар, ни нацбат.
Они опустятся в глубь глубин,
достигнут сумрачных врат.
«Батя, заходим! Гиви, прикрыл!
Работаем, брат Ахмат!»
<...>

Посадят в автобусы весь мирняк,
пленных возьмут в кольцо.
И ад опустеет. Аминь, будет так!
Пасха, в конце концов.

(с. 334–335)

Много раз у разных авторов повторяется мотив пребывания на границе жизни и смерти, когда живые пишут и думают о себе как о погибших или же как о тех, кому рано или поздно предстоит умереть: «Если честно — мне вовсе не верится / до сих пор, что я все еще жив» (А. Шмелев, с. 153); «Был я жив, а теперь — не знаю, / но уже как будто привык» (Г. Титов, с. 322); «Точки расставлены. Границы стерты. / “Живой” означает “потенциально мертвый”» (А. Пелевин, с. 181).

Особое значение в создании картины запредельной донбасской реальности имеет ролевая лирика, которая представлена разными вариантами: это и вкрапления «ролевого» повествования, и целые стихи, написанные от имени разных героев — сказочного персонажа: «я маленькая девочка, / я — Дороти с Тотошкой, / я — Элли, как меня ни назови...» (А. Хайрулина, с. 169), военнопленного, приготовившегося умереть (М. Курчатова, «Миротворец», с. 176), от имени бойца (Г. Кубатьян — позывной «Репортер», «Резервист ЛНР Саня», с. 405), от имени «усыновленного» солдатами kota: «Я старый окопный потрепанный кот, / Хромаю, скачу на трех лапах» (М. Афонин, с. 119), от имени обреченной на гибель боевой собаки (Г. Егоркин, «Собачий рай», с. 412). Такой способ приблизить реальность работает безотказно, заставляя читателя встать в ситуацию, начать дышать тем

же воздухом. Но самая страшная ролевая лирика написана от лица мертвых, и таких стихотворений немало. Два из них так и называются «Живым!» и «Письмо живым» — это вышеупомянутое стихотворение А. Апачева и написанное в стиле рэпа стихотворение *Катерины Катиной*. Последнее читается как подлинное завещание de profundis, если знать, что автора — талантливой, красивой, совсем молодой поэтессы, журналистки, военкора — в живых уже нет:

Телефонная книжка становится короче,
ужасные новости чаще приходят ночью.
С поля боя лучшие сразу уходят в небо...
Вчера была быть, а сегодня — небыль.
Каждый день мы уходим в бессмертный полк.
Перемирия сменяют друг друга, какой с них толк?
Идет кровавая партия на шахматной доске...
Ты взираешь на нее в предсмертной тоске.
На погосте все в цветах и новые кресты.
Вчера был он, сегодня я, а завтра — ты.
<...>

Мы хотели лишь жить, а не убивать,
но за нами пришли, и пора умирать.
За свободу мы платим высокую цену...
Чтоб ты жил, развивался и строил систему,
брал кредит и гонялся за новым айфоном,
мы в окопе по-братски делим патроны.
Только истина в том, что ты тоже мертвец,
мы живее тебя, ты — безумный глупец.
Пусть тела наши — прах, но осталась душа,
ты же душу продал, а за ней ни шиша!

(с. 222)

Вслед за ролевой поэзией огромное значение для персонализации «народа на войне» принадлежит стихам-портретам, воссоздающим образы самых разных людей, защищавших и защищающих Донбасс. Это целый ряд стихотворений Григория Кубатьяна («Доброволец Киллер», «Резервист ЛНР Саня», «Резервист ЛНР Цыган», «Снайпер ДНР»), это стихотворение Семена Пегова «Моторола», посвященное знаменитому полевому командиру Арсену Павлову, стихотворение Григория Егоркина «Пускепалис» об актере и режиссере Сергее Пускепалисе, который тоже «шагнул в ряды, / пополнил списки / тех самых — вечно молодых, / что с обелисков» (с. 412). Есть несколько посвящений К. Катиной, запечатлевших ее образ и трагедию ухода, — стихотворение Наталии Курчатовой «У моторынка, где транзисторы...», Анны Ревякиной «У них спор, кто больше ему жена...», Александры Хайрулиной «Памяти Катерины Катиной».

Среди стихов разных поэтов нередко встречаются нарративные, где рассказываются истории, воспроизводятся отдельные эпизоды. Много таких «историй» в подборках А. Долгаревой, которая свой журналистский опыт и, очевидно,

многочисленные беседы, встречи, впечатления перекладывает в поэтическую форму, создавая почти новеллистические циклы. Нередко встречаются «истории» в стихах А. Ревякиной («У меня есть брошь из Белграда..»), О. Старушко («Матч»). Остросюжетными фронтовыми сценками являются практически все представленные стихотворения Г. Егоркина:

Тяни меня, сестрица,
тяни, сколь хватит сил.
Какое там жениться! —
Я ж толком не любил.
<...>
Бинтуй сильнее, сестричка,
стерплю, сама не твусь.
В тебя, в твои косички,
поправлюсь — и влюблюсь!
(с. 414–415)

Врезается в память стихотворение В. Русанова «Ангелы Донбасса» — рассказ о трех детских судьбах — о тех, кто «мог бы стать актером / врачом, / инженером, / шахтером, / пилотом...», но «остался под обломками рухнувшего здания», «зацепился за “растяжку” / по дороге в школу», был убит осколком, «когда по Камброду / отработали украинские / минометы» (с. 149–150).

Война превращает в антимир и антипоэзию любую зарисовку, любой пейзаж, любое повествование о действиях людей, о празднике, о завтрашнем дне. Именно таким предстает Донецк накануне нового 2015 г. в одном из стихотворений о. Д. Трибушиного, где интонации Г. Иванова, образы М. Лермонтова, И. Бунина и А. Блока проецируются в пространство инобытия:

Над городом гуманитарный снег.
Патрульный ветер в подворотне свищет.
Убежище — читает человек
на школе, превращенной в пепелище.
У всякой твари есть своя нора.
Сын человеческий может жить в воронке.
Артиллеристы с самого утра
друг другу посылают похоронки.
Еще один обстрел — и Новый год.
Украсим елку льдом и стекловатой.
И Дед Мороз, наверное, придет
на праздничные игры с автоматом.
(с. 54)

В этом же ключе — выворачивания наизнанку привычных поэтизмов и просто привычных ощущений — написано стихотворение Дмитрия Мурзина «Пальцы блогера», которое представляет собой развернутую реплику на известное стихотворение А. Вертинского «Ваши пальцы пахнут ладаном...». Пальцы человека

из Донбасса пахнут «кровью, гарью, миной-дурой», «Славянском, Донецком, Счастьем, / пеплом, Горловкой и прахом, / и расстрелянной медчастью» (с. 110). В гуманистическую инструкцию военного времени превращает другой поэт — В. Русанов — философский императив И. Бродского «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку»: «Не доставай гранату, / не извлекай чеки — / даже солдату НАТО / смерть встречать не с руки» (с. 320). Сама поэзия в условиях постоянного пребывания на краю бездны становится всего лишь особым языком, которым можно как-то по-новому рассказать о войне. «Кровью добывается в атаке / неза-тертых слов боезапас»: «Минометных стрельб силлаботоника, / рукопашных гибельный верлибр. / Сохранит издательская хроника / самоходных гаубиц калибр» (И. Караулов, с. 74).

Так, благодаря разноуровневой и в то же время почти протокольной фиксации, создается представление об изуродованной, но не уничтоженной донбасской реальности, которая имеет свой резкий колорит — трагически высокий и по-человечески очень страшный.

Однако представление об этой реальности и, главным образом, о людях, живущих и действующих в ее границах, не будет полным, если не рассмотреть аксиологический аспект созданной ими «новой» поэзии. А это, прежде всего, публицистическая составляющая антологии, которая сильна и ощутима, ведь вошедшие в нее стихи есть не что иное, как попытка осмыслить историю, разобраться в политике, высказать личную оценку, вынести собственный приговор. «Что о войне думали» — так озаглавила последнюю, восьмую часть своей книги вышеупомянутая С. З. Федорченко, так можно было бы озаглавить и наши наблюдения над поэтической аксиологией воюющего девять лет Донбасса [Федорченко, с. 70].

Безусловно, материал, который дает в этом смысле книга, — огромен: каждая часть и каждый поэт предлагают свое видение и понимание ситуации. И все же есть смысл прислушаться к этим максимам даже в том весьма редуцированном и обобщенном виде, который неизбежно получается в результате аналитической выборки.

Начнем с метафор войны, ибо в них формульно содержится концепция для-щегося вот уже девять лет донбасского конфликта. В антологии их много, и они очень разные, почти всегда хорошо понятные, так как то, с чем сравнивается донбасская эпопея, обычно лежит в сфере истории или культуры. Перечислим некоторые примеры: метафоры ментального характера — «война миров» (И. Купреянов, с. 361), «силы света и силы тьмы» (А. Ревякина, с. 83); метафоры историософского плана — «...в степях Московия воюет с Древним Римом» (И. Купреянов, с. 361); культурно-исторические — «реконкиста русская», «братоубийственные саги и песни Старшей и Младшей Эдды» (А. Сигида (младший) — позывной «Захар», с. 398), «война севера и юга» (И. Караулов, с. 299), «новый холокост» (о. Д. Трибушный, с. 55), «Тропа Ахилла» (С. Пегов, с. 212); «вторая мировая» (О. Старушко, с. 100); метафоры эмоционально-выразительные — «черный жернов», «русская рулетка», «мясорубка расчеловечивания»

(Е. Заславская, с. 50). Все эти иносказательные определения имеют очевидную когнитивную составляющую и такую же очевидную оценочность, из которой ясно, что все, что в них сказано — сказано о войне менталитетов, культур, географических пространств, добра и зла, но вместе с тем — и о войне между представителями одного народа.

Мотив братоубийства вообще стал одним из постоянных в донбасской поэзии, обращенной одновременно и к архетипическим, и к этническим, и к социально-историческим ее корням. Так, в целом ряде стихов возникают библейские образы Каина и Авеля — первого на земле убийцы и первой смиренной жертвы: в библейском ключе рассказано в лаконичном стихотворении Д. Мурзина о начале донбасского конфликта («Принесли на Авеля похоронку. / Тишина стоит, что ни звук — то всхлип, / тишина стоит, только треск в колонках. / И не в курсе Каин, что он влип...», с. 45); в этих же библейских образах говорит о мечте своего героя А. Хайрулина («А я живой, у меня жена и сын, / и мечта о мире, в котором Каин Авеля не убил», с. 229). О не-братстве когда-то одного народа, разделенного на два вражеских лагеря, читаем во многих стихах: «Стреляет в русских людей / когда-то русский пилот» (Г. Титов, с. 67); «Ночь открывает объятия / Адово, адово, адово. / Снова дары от *небратьев* / Падают, падают, падают» (В. Русанов, с. 256). Притчей отвечает на пресловутый вопрос о «братстве» в своем стихотворении «Тесто» А. Ревякина: «...представь себе / тесто, вымешанное руками хозяйки. / Если от него отнять кусок и поставить в печь, / как ты этот кусок снова сделаешь клейким? / Как его снова сделать тягучим и белым?» (с. 307).

Чтобы лучше понять мироощущение жителей Донбасса, важно вчитаться и в систему их самооценок, в то, какое место — как им видится — они занимают в ходе конфликта, а также в большой истории, совершаемой при их непосредственном прямом или косвенном участии. Образ Авеля здесь не случаен, конечно. Ибо кем можно считать безвинно убиваемых... Но это не единственное самоопределение. В стихах периода действия Минских договоренностей, когда возникла «между войнами переменка» (О. Измайлов, с. 223), часто звучит горечь, недосказанная обида: донбасцы именуют себя то «печальными правнуками Кремля», вышедшими «из земли другого сорта» (о. Д. Трибушный, с. 121), то «осколками русской весны» (Г. Титов, с. 269). А то просто причисляют себя к тем, кому суждено продолжить узнаваемый сюжет давней русской истории:

Эти русские мальчики не меняются:
Война, революция, русская рулетка,
Умереть, пока не успели состариться,
В XIX, XX, XXI веке.
Эти русские девочки не меняются:
жена декабриста, сестра милосердия,
любить и спасать, пока сердце
в груди трепыхается,
В XIX, XX, XXI веке.

Е. Заславская (с. 50)

Многие стихи представляют собой попытку прорвать плотину равнодушия, привычку мира слушать и не слышать «фоновые» новости о бесконечной веренице смертей где-то там, между Украиной и Россией: «Нам нечем порадовать свет, / все это не неинформативно. / Другой информации нет. / “Убили, убили”. Рутинка. / Расстрелянный город Донецк, / Макеевки взрывы и стоны, / и тянутся ленты агентств, / вплетаясь в венок похоронный» (И. Караулов, с. 313).

Примечательно, что в текстах непосредственно военных лет — 2014 и 2022 гг. ощущение собственной жертвенности, беспомощности перекрывается ощущением силы, правоты, веры в обновление истории и создание новой России: «Россия впервые за столько лет / Снова стала — Страной!» (И. Купреянов, с. 78). Особенно это относится к стихотворениям воюющих поэтов: «Вперед, танкисты! / Вперед, пехота! / Мы снова из тех, кто прибывает свой щит на ворота» (О. Миронов — позывной «Макаревич», с. 390); «Мы снова солдаты. / Мы стали другими» (И. Асвальд — позывной «Пумба», с. 404); «“К оружию, братья, к оружию!” — рокотом зов ДНР. / Рождаются вехи истории — верхом на броне БТР»; «Так умирают империи. Империи рождаются так» (О. Миронов, с. 387); «...мы границу страны бережем / от врага, что стоит на подходе» (С. Лысенко — позывной «Лысый», с. 373).

Останавливает внимание стихотворение А. Долгаревой «Русские солдаты — лучшие из людей», где оба взгляда — тех, кто видит свое предназначение в жертвенности, и тех, кто видит его в поступке, — контаминируются, рождая катарсис. Здесь есть и ощущение иррациональной неизбежности победы: «Мы побеждаем Господним чудом, оно сильней, / чем логика, разум и даже наш бабий вой», есть и понимание того, что победа погребет тех, кто ее приближает: «Наши кости станут стенами новой империи. / Наша кровь станет космическим топливом. / Мы потомки Юры Гагарина и Лаврентия Берии, / винтики госмашинны неповоротливой» (с. 367). Однако финал стихотворения несет очищение, просветление:

Но к чему прикоснулась Россия — то навсегда Россия.
Мы излучаем Россию, в Бозе почия,
мы возвращаемся живыми аль неживыми,
на ислевших нашивках неся ее имя.

(с. 367)

В связи с очевидным публицистическим дискурсом донбасской поэзии нужно сказать и еще об одной ее особенности — полемической направленности. Она буквально пронизывает всю книгу, и это понятно — находясь в самом центре событий, невозможно не откликаться, не реагировать на те множественные суждения, мнения и высказывания, в которых обесценивается настоящее и меркнут святыни прошлого. Так, например, резким ответом Д. Быкову стало стихотворение М. Ватутиной «Твердишь — у победы цена высока» (с. 234), ответом либерально настроенным «миротворцам» — стихотворение А. Сигиды (младшего) «Пацифистам»: «Они приходят, с лирами и фондами. / Их голос ангельский — так звонок вдалеке! / Но вижу я холодный коготь Мордора / в протянутой в приветствии

руке» (с. 395). Таким же ответом далеким от военной реальности работникам культурного фронта стали стихотворения В. Русанова «Хорошо быть русским поэтом...», «Когда в эфире что ни час...» и А. Долгаревой «А они говорят миру мир, пису, говорят, пис...»:

Нет, это все правда, искусство превыше правды, нелюбви, сатаны,
локальных конфликтов, мелких калибров, границ страны,
но я не вернулась с войны, понимаешь, не вернулась с войны.
Я бы хотела вернуться, но я не вернулась с войны.
Сердце мое в степи клюют черные вороны.
Тело мое разметано на все четыре стороны.
<...>

Так что я не спорю, искусство выше, любовь всегда победит,
снимай свой клип, езжай в свой Киев, танцуй под бит,
а я уже все сказала.
И сердце мое разрывается на шматки,
как донецкое сало.

(с. 219)

Наконец, есть и еще один мотив, не затронув который, нельзя завершить наш очерк — мотив культурной и языковой идентичности: русского слова, русского языка, русской культуры, русской литературы, русской поэзии. Поэты Донбасса ощущают себя внутри именно этой родной для них литературно-языковой стихии, чувствуют себя защитниками ее границ, ведь «нацисты» пришли «за словом» — «стихами Пушкина», «Толстого прозой» (А. Шмелев, с. 317); как пишет А. Ревякина, «мой язык поэтический уродлив для русофоба», «сложен и неприемлем» (с. 82). Сердце — Родина — русский язык — такой треугольник выстроил в одном из своих стихотворений Герман Титов: «Мое сердце опять под бомбежкой. / Моя родина — русский язык» (с. 322). Эта связь очевидна и в лирике других авторов: «Это сосны скрипят по-русски» (А. Дмитриев, с. 59); «А в Донецке цветет магнолия / на бульваре солнца русского ямба» (А. Ревякина, с. 349); «сражается русское слово / на полсердца всегда впереди...» (Г. Титов, с. 325); «Все, что от нас останется, — это грамота точка ру» (М. Панчехина, с. 96). Можно вспомнить также тонкое, нежное стихотворение Алисы Федоровой, посвященное Рождеству, снегу, зиме и слову, которое животворно: «...а свет звезды в глазах многоэтажек — / всего лишь слово, слово и стекло. / И слово спит. В яслях его тепло. / Мир назван, искуплен и принаряжен» (с. 133). Одно из стихотворений 2022 г. совсем молодого луганского поэта Ивана Асвальда так и называется — «За русское слово». Стихотворение горячее, декларативное, романтическое, и «русское слово» в нем абсолютно синонимично «правому делу»: «И ради победы / мы к смерти готовы! / За правое дело. / За русское слово» (с. 404). Что же касается русской литературы, она для поэтов Донбасса составляет особую реальность — точку опоры, образец, символ веры. Авторы антологии часто цитируют русских поэтов — Пушкина, Лермонтова, Блока, Мандельштама, Иванова, Есенина, Маяковского, Пастернака,

Бродского. Они уверены в том, что русская литература за них, на их стороне: «Толстой и Пушкин на войне — / в столице пусто» (А. Шмелев).

Разумеется, все сказанное в этом аналитическом обзоре не охватывает ни полноты содержания, ни многообразия поисков и чисто художественных находок донбасской поэзии, которая, по-видимому, только набирает силу и действительно становится крупнейшим достоянием современной русской культуры. Это по-настоящему гражданская и, если угодно, политическая поэзия, но совсем не в том смысле, под которым подразумевается обычно рифмованная публицистика. Это поэзия из самой-самой воронки истории, эпицентра катастрофы, где право на гражданское высказывание окупается кровью и жизнью. Донбасская поэзия ближе всего к поэзии эпохи Гражданской войны (А. Ахматова, А. Блок, В. Брюсов, М. Волошин, В. Ходасевич, М. Цветаева), Воронежским стихам О. Мандельштама, «Реквиему» и «Мужеству» А. Ахматовой, поэтическим свидетельствам воевавших поэтов-эмигрантов — И. Савина, В. Смоленского, Ю. Софиева, Н. Туроверова, поэтическому наследию поэтов Великой Отечественной, среди которых О. Берггольц, К. Симонов, А. Твардовский, замечательный ряд имен, принадлежащих поколению «сорокового года»⁷. Все это — одна линия, один и тот же вектор: документальных свидетельств, мучительных раздумий, страшных открытий, последних признаний, но при всем том — высокой катарсической трагедии, выраженной в поэтическом слове.

Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х годов. Киев, 1994. С. 9–255.

Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М., 1994. 480 с.

Быков Л. П. «Поколение сорокового года»: на войне и после // Феномен поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков : монография / [А. В. Антошин и др.] ; под общ. ред. Ю. В. Матвеевой, Д. В. Спиридонова. Екатеринбург, 2022. С. 110–130.

Великий Блокпост : антология донбасской поэзии 2014–2022 гг. СПб., 2023. 432 с.

Верина У. Ю. Современная поэтическая антология: генезис, типология // Учен. зап. Орл. ун-та. 2016. № 1 (70). С. 74–81.

Димеши Ж. Начало документальной прозы в России: творчество С. З. Федорченко // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2018. Т. 20, № 2 (175). С. 169–177.

Менегетти А. Образ и бессознательное : учеб. пособие по интерпретации образов и сновидений / пер. с итал. М., 2000. 448 с.

Ревякина А. Донбасский сбор, или Попытка предисловия // Великий Блокпост : антология донбасской поэзии 2014–2022 гг. СПб., 2023. С. 16–18.

Федорченко С. З. Народ на войне. М., 1990. 400 с.

Статья поступила в редакцию 19.02.2023 г.

---

⁷ О «поколении сорокового года» см. статью Л. П. Быкова [Быков].